

ЗИНАИДА ГИПШИУС

МОЯ ДУША – ЛЮБОВЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1+6-5
Г 50

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.
В оформлении обложки использована картина
Михаила Врубеля «Утро». 1897.
Из собрания Государственного Русского музея

ISBN 978-5-389-23677-6

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ИЗ
«СОБРАНИЯ СТИХОВ.
1889–1903»

НЕОБХОДИМОЕ О СТИХАХ

Стихи мои я в первый раз выпускаю отдельной книгой, и мне почти жаль, что я это делаю. Не потому, что их написано за пятнадцать лет слишком мало для книги, и не потому, что считаю мою книгу хуже всех, без счета издающихся стихотворных сборников: нет, я думаю — она и хуже, и лучше многих; но мне жаль создавать нечто совершенно бесцельное и никому не нужное. Собрание, книга стихов *в данное время* есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что *стихи не нужны*. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы, естественны и вечны. Было время, когда всем казались нужными целые книги стихов, когда они читались сплошь, понимались и принимались. Время это — прошлое, не наше. Современному читателю не нужен, бесполезен сборник современных стихов. Это и не может быть иначе, и вина (если тут есть вина) лежит столько же на читателях, сколько на авторах. Ведь и те и другие — одинаковые дети своего времени. Ему подчиняясь, современный поэт утончился и обособился, отделился как человек (и, естественно, как стихотворец) от человека, рядом стоящего, ушел даже не в индиви-

дуализм, а в тесную субъективность. Именно обособился, перенес центр тяжести в свою особенность и поет о ней, потому что в ней видит свой путь, святое своей души. Это может казаться печальным, но тут нет ничего безнадежного или мелкого; и опечаленных пусть утешает мысль, что это — современное, а все «современное» — временно. Неизбежная одинокая дорога, быть может, ведет нас, и в области поэзии, к новому, еще более полному общению. Но возвращаюсь к тому, что есть.

Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы — молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве — все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. Форма зависит от способностей и наклонностей каждого. Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка — это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. Поэзия, как определил ее Баратынский, «есть полное ощущение данной минуты». Быть может, это определение слишком общо для молитвы, но как оно близко к ней!

И вот мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся — в стихах, как умеем, то неудачно, то удачно, но всегда берем наше «свое», наш центр, все наше данное «я» в данную минуту (таковы законы молитвы); виноваты ли мы, что каждое «я» теперь сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я» и потому непонятным ему и ненужным? Нам, 8 каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша

молитва, нужно наше стихотворение — отражение мгновенной полноты нашего сердца. Но другому, у которого заветное «свое» — другое, непонятна и чужда моя молитва. Сознание одиночества еще более отрывает людей друг от друга, обособляет, заставляет замыкаться душу. Мы стыдимся своих молитв и, зная, что все равно не сольемся в них ни с кем, — говорим, слагаем их уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя.

Некоторые из нас, стыдясь и печальясь, совсем оставляют стихотворную форму как слишком явно молитвенную и облачают иной, сложной и туманной плотью свое божественное устремление.

Если есть где-нибудь один, кто поймет нашу молитву, — он поймет ее и сквозь печаль тумана. Но есть ли он? Есть ли чудо?

Я считаю мои стихи (независимо от того — бездарны они или талантливы, — не мне судить, да и это к делу не относится) очень современными в данном значении слова, то есть очень обособленными, своеструнными, в своеструнности однообразными, а потому для других ненужными. Соединение же их в одной книге должно казаться просто утомительным. Книга стихотворений — даже и не вполне «обособленного» автора — чаще всего утомительна. Ведь все-таки каждому стихотворению соответствует полное ощущение автором *данной* минуты; оно вылилось — стихотворение кончилось; следующее — следующая минута, уже иная; они разделены временем, жизнью; а читатель перебегает тут же с одной страницы на другую, и смены, скользая, только утомляют глаза и слух.

Но, повторяю, было время, когда стихи принимались и понимались всеми, не утомляли, не раздражали, были нужны всем. И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие; что толкуют о вырождении стиха, об исчезновении поэтических талантов! Исчезли не таланты, не стихи, — исчезла возможность общения именно в молитве, общность молитвенного порыва. Я утверждаю, что стремление к ритму, к музыке речи, к воплощению внутреннего трепета в правильные переливы слов всегда связано с устремлением молитвенным, религиозным, по-ту-сторонним, — с самым таинственным, глубоким ядром человеческой души, и что все стихи всех действительно-поэтов — молитвы. Молитвенны стихи и прежних наших стихотворцев — тех, в свое время принятых, понятных. Был и будет Пушкин; он принят навсегда, он был и будет нужен; его песни, он сам — как солнце; он вечен, всепроникающ, но — как солнце — неподвижен. То, что *есть* молитвы Пушкина, — не утоляет нашего порыва, не уничтожает нашего искания: он — не цель, не конечный предел, а лишь некоторое условие существования этого порыва, как солнце не жизнь, а только одно из условий жизни. Пушкин — вне времени, зато он и вне нашего пути, исторического и быстрого.

Но вот Некрасов, поэт во времени, любимый и всем в свое время нужный. И его «гражданские» песни были молитвами. Но молитвы эти оказались у него общими с его современниками. Дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу. Каковы они
10 были — все равно. Они замолкли и уже не воскрес-

нут как молитвословия. Но они звучали широко и были нужны, они были — общими. Теперь — у каждого из нас отдельный, сознанный или несознанный, — но свой Бог, а потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие молитвы.

Есть и в прошлом один, нам подобный, «ненужный всем» поэт: Тютчев. Любят ли его «все», понятны ли «всем» его странные, лунные гимны, которых он сам стыдился перед другими, записывал на клочках, о которых избегал говорить? Каким бесцельным казался и кажется он! Если мы, редкие, немногие из теперешних, почуяли близость его и его Бога, сливаемся сердцем с его славословиями, — то ведь нас так мало! И даже для нас он, Тютчев, все-таки — из прошлого, и его Бог не всегда, не всей полностью — наш Бог...

Я намеренно не вхожу здесь в оценку величины и малости того или другого поэта. Вопрос о силе таланта не имеет значения для тех мыслей, которые мне хотелось высказать. Я думаю, явись теперь, в наше трудное, острое время, стихотворец, по существу подобный нам, но гениальный, — и он очутился бы один на своей узкой вершине; только зубец его скалы был бы выше — ближе к небу, — и еще менее внятным казалось бы его молитвенное пенье. Пока мы не найдем общего Бога или хоть не поймем, что стремимся все к Нему, Единственному, — до тех пор наши молитвы — наши стихи — живые для каждого из нас, — будут непонятны и не нужны ни для кого.

3. Гиппиус

ПЕСНЯ

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею,
С вечернею зарею.

И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
Не знаю...

И это желание не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,

Но плачу без слез о неверном обете,
 О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
 Чего нет на свете.

1893

ПОСВЯЩЕНИЕ

Небеса унылы и низки,
Но я знаю — дух мой высок.
Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, —
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, —

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю — дух наш высок.

ОТРАДА

Мой друг, меня сомненья не тревожат.
Я смерти близость чувствовал давно.
В могиле, там, куда меня положат,
Я знаю, сыро, душно и темно.

Но не в земле — я буду здесь, с тобою,
В дыханьи ветра, в солнечных лучах,
Я буду в море бледною волною
И облачную тенью в небесах.

И будет мне чужда земная сладость
И даже сердцу милая печаль,
Как чужды звездам счастье и радость...
Но мне сознания моего не жаль,

Покоя жду... Душа моя устала...
Зовет к себе меня природа-мать...
И так легко, и тяжесть жизни спала...
О, милый друг, отрадно умирать!

1889

БАЛЛАДА

Сырые проходы
Под светлым Днепром,
Старинные своды,
Поросшие мхом.

В глубокой пещере
Горит огонек,
На кованой двери
Тяжелый замок.

И капли, как слезы,
На сводах дрожат.
Затворника грезы
Ночные томят.

Давно уж не спится...
Лампаду зажег,
Хотел он молиться,
Молиться не мог.

— Ты видишь, Спаситель,
Измучился я,
Отдай мне, Учитель,
Где правда твоя!

Посты и вериги
Не Божий завет,
Христос, в Твоей книге
Прощенье и свет.

Я помню: в оконце
Взглянул я на сад;
Там милое солнце —
Я солнцу был рад.

Там в зарослях темных
Меня не найдут,
Там птичек бездомных
Зеленый приют.

Там плачут сирени
От утренних рос,
Колеблются тени
Прозрачных берез.

Там чайки мелькают
По вольной реке
И дети играют
На влажном песке.

Я счастлив, как дети,
И понял я вновь,
Что в Божьем завете
Простая любовь.

Темно в моей келье...
Измучился я,

А жизнь — и веселье,
И правда Твоя —

Не в пыльных страницах,
Не в тусклых свечах,
А в небе, и птицах,
И звездных лучах.

С любовью, о Боже,
Взглянул я на всё:
Ведь это — дороже,
Ведь это — Твое!

.....

1890

НИКОГДА

Предутренный месяц на небе лежит.
Я к месяцу еду, снег чуткий скрипит.

На дерзостный лик я смотрю неустанно,
И он отвечает улыбкою странной.

И странное слово припомнилось мне,
Я все повторяю его в тишине.

Печальнее месяца свет, недвижимей,
Быстрей мчатся кони и неумимей.

Скользят мои сани легко, без следа,
А я все твержу: никогда, никогда!..

О, ты ль это, слово, знакомое слово?
Но ты мне не страшно, боюсь я иного...

Не страшен и месяца мертвенный свет...
Мне страшно, что страха в душе моей нет.

Лишь холод безгорестный сердце ласкает,
А месяц склоняется — и умирает.

БЕССИЛЬЕ

Смотрю на море жадными глазами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами —
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

1893

СНЕЖНЫЕ ХЛОПЬЯ

Глухим путем, неезженным,
На бледном склоне дня
Иду в лесу оснеженном,
Печаль ведет меня.

Молчит дорога странная,
Молчит неверный лес...
Не мгла ползет туманная
С безжизненных небес —

То вьются хлопья снежные
И мягкой пеленой,
Бесшумные, безбрежные,
Ложатся предо мной.

Пушисты хлопья белые,
Как пчел веселых рой,
Играют хлопья смелые
И гонятся за мной,

И падают, и падают...
К земле все ближе твердь...
Но странно сердце радуют
Безмолвие и смерть.

Гиппиус З.

Г 50 Моя душа — любовь : стихотворения / Зинаида Гиппиус. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 352 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-23677-6

Зинаиду Николаевну Гиппиус (1869–1945), экстравагантную красавицу Серебряного века, чаще всего вспоминают вместе со знаменитым мужем — Дмитрием Мережковским. Во многих отношениях они и вправду неразделимы. Супруги дополняли, вдохновляли и провоцировали друг друга в жизни и творчестве. Однако было бы большой ошибкой воспринимать Гиппиус лишь как музу в этом союзе. В литературных кругах России начала XX века Зинаида Николаевна играла весьма важную и самостоятельную роль: она активно публиковала прозу, публицистику, выступала как критик.

Стихи она писала, по собственному признанию, «только тогда, когда не могла не писать», так что их можно рассматривать как своего рода поэтический дневник, запечатлевший мысли и чувства многое пережившей, неординарной, яркой женщины, одаренной поэтессы...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)1+6-5

Литературно-художественное издание

ЗИНАИДА ГИППИУС
МОЯ ДУША — ЛЮБОВЬ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Валерий Камендо, Милена Минина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.08.2023. Формат издания 70 × 102 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 14,52.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

A-PTR-32631-01-R